

20. ПРОШЛАЯ ПОБЕДА

Я -- родом из 1946 года, из первого послевоенного поколения. Всю жизнь меня сопровождает прошлая победа, и не переставая ни на миг бьется в тесной печурке огонь, и машет мне кто-то скромненьким синим платочком.

9 мая 1955 года по краешку шоссе Брест-Москва в сторону Бреста гуськом шла Горская начальная школа в полном составе от первого до четвертого классов, 14 учеников. В голове старшие чинно несли длинную гирлянду из лесного вьюнка. Младшие брели сзади без дела, норовили выскочить на середину шоссе, тут же слышали окрик учительницы. Дул холодноватый ветер. В тучках летело теплое солнце. На обочине зеленела трава. Бездельники неслись на траву, кувыркались. Учительница кричала: "Догоняйте!"

Школа держала путь в урочище Жомка, что в километре от Горска. К солдатской могиле. На второй день войны отделение пулеметчиков залегло в придорожном лесу, два часа держало моторизованного врага, напиравшего от Бреста. Обойти пулеметчиков немцы не могли: справа и слева от дороги лежало болото. Позиция у наших была удобная. Но силы были неравные...

Когда враг двинулся дальше на Москву, ночью на место боя прокрались лесом молодые мужчины из Горска, закопали убитых красноармейцев, забрали их документы, вещи.

После войны многочисленные захоронения первых военных дней вскрыли, останки перевезли в общую могилу в центре сельсовета. Не тронули только погребение в Жомке. Горские смельчаки боялись, что в могиле обнаружатся разутые солдаты. Прежде чем их похоронить, практичные мужики сняли с них сапоги. Над босыми героями не значилось ни холмика, ни креста, ни деревца. Коровы паслись там, как везде, где хорошая трава.

Односельчанин указал на могилу лет через десять, сносив офицерские сапоги образца 1941 года. Отыскал у себя документы погибших (часть потерялась), отдал в военкомат. 8 мая учительница побывала на забытой могиле со школьниками. Убрали коровьи лепешки, подмели. Натаскали земли, насыпали грядку, обложили дерном. Посадили цветущие тюльпаны. 9 мая принесли гирлянду.

Но коровы опередили, съели, повыдергивали тюльпаны, уронили свежее г. Дети руками принесли песка, прикрыли коровьи подарки. Учительница погоревала над тюльпанами, нашла пару целых, стала пересаживать. Она подобрала юбку, отчего высоко оголились ноги. Девочки не обращали внимания, а мальчики смотрели на ноги, это было интереснее, чем победа и могила. Девятилетний Толик тоже смотрел. Учительница воткнула тюльпаны, распрямила юбку, спрятала ноги, сказала: "Толик и Санька, становитесь в почетный караул! Васька, ты дежурный! Дети, на траву -- бегать и греться!"

Шоссе было пустынно. Когда на горизонте показывалась черная точка, дежурный кричал: "Машина!" Караульные делали серьезные лица. Дети

бежали к дороге, махали руками. Грузовик с грохотом проносился, вновь превращаясь в точку. Чтобы караул не мерз, учительница часто его меняла. Детям надоело на траве, высыпали на шоссе. В карманах нашелся мелок. Асфальт изрисовали от души. "Машина!" — завопил дежурный.

Автобус промчался, затормозил вдали, задним ходом вернулся. К детям бежал старик, звенели ордена. Сказал громко: "Молодцы!" Постоял у могилы. Раздал по конфете в красивой бумажке. Когда угощал, каждому говорил: "Тебе -- от Победы!" Побежал к автобусу, откуда сигналили. Ошеломленные счастьем дети принялись за конфеты. Таких они не видели.

Так я впервые встретился с Победой. Она угостила меня конфетой. Победа была живая, щедрая.

В 1965 году "Правда" ввела рубрику "К 20-летию Великой Победы". Березовская районная газета "Маяк коммунизма" также назвала Победу Великой, обильно давала материалы о фронтовиках и партизанах. Редакция организовала рейд по братским могилам. Чтобы везде было вычищено, покрашено! Чтобы заборы отремонтировали! Чтобы посадили цветы!

На могиле у шоссе в километре от Горска поставили скромный обелиск, на табличке написали: "Мл. лейтенант Новик Николай Иванович и сержант Будников Николай Николаевич пали смертью храбрых в бою при защите нашей Родины 23.06.1941г". Фамилии остальных не выяснили, неизвестными почему-то не назвали. На стены хат, осиротевших в войну, прибили красные звездочки. Ветеранам преподнесли дешевые подарки. Ветеранов было много, а денег одарить их -- мало. Но одаренные были рады вниманию.

День Победы райком партии решил отпраздновать на Споровском озере, в партизанских местах. Праздник назвали: фестиваль. Для подвозки населения колхозам приказали выделить транспорт. Под деревьями на озерном берегу построили сцену, целый день коллективы художественной самодеятельности давали концерт. Развернулся общепит, предлагая выпивку. Дежурил медпункт. Прохаживались народные дружинники с алыми повязками, бережно уводили в кусты захмелевших ветеранов. Кульминацией фестиваля являлась водная фейерия на озере, где солдаты из лодок запускали ракеты.

Молодой фотокорреспондент газеты "Маяк коммунизма" знал, где что происходит, в кармане лежал сценарий. Он получил задание запечатлеть юбилей Победы на пленку, в завтрашний номер газеты редактор запланировал разворот. Фотокор крутился вокруг одного объекта -- сцены. То, что совершалось за пределами заколдованного крутежа, он фиксировал холодным фотоглазом, не воспринимая торжественность и юбилейность Великой Победы. Какая Победа, коль на уме только одно!

Эпицентром мира была Она. Она приехала автобусом вместе с танцевальной группой. Появилась на сцене, нашла его взглядом в толпе зрителей, не спускала глаз, когда кружилась и когда плыла. Тут фотокор и израсходовал свои пленки. Как только Она исполнила свои номера, они сели на редакционный мотоцикл, умчались подальше от фестиваля. Остаток

теплого майского дня они провели вдвоем в березовом лесу, на солнечной поляне.

Вечером они подъехали к зданию редакции, представляющему собой деревянную хату. Фотокор взял под крыльцом ключ, открыл. Они вошли, опять стали целоваться. Он запер входную дверь изнутри. В фотолаборатории они провели ночь. Проявляли пленки. Печатали снимки, начав с тех, где Она танцевала, смотрела в объектив, обещала праздник и на 9 мая, и на 10-ое...

Девятнадцатилетний фотокорреспондент -- представитель первого послевоенного поколения, для которого Победа в войне уже не являлась главной жизненной ценностью. Задание редакции он выполнил. Репортаж о фестивале в газете вышел. Но Победа называлась: Маша.

В феврале 1975 года главный редактор журнала "Неман" Андрей Макаёнок и его заместитель Георгий Попов (оба фронтовики) поручили мне написать передовую статью, посвященную 30-летию Победы. "Мы насочинялись на эту тему, теперь давайте вы, молодые". В их словах улавливалось скорее раздражение, нежели патетика, захлестнувшая телевидение и газеты за полгода до очередного юбилея Победы.

В майской книжке журнала вышла обширная статья. Передовица считалась "флагом номера", подавалась без подписи. Хочу, наконец, зафиксировать свое авторство. процитирую отрывки. Вот тогдашнее мнение общества о Победе и мое отношение к "теме":

"Пройдут века, человечество будут волновать новые радостные события, но никогда они не затмят весенний день 9 мая -- праздник всех прогрессивных сил мира...

Советский солдат -- будь то фронтовик или партизан с самодельной миной, мальчишка-токарь на оборонном заводе или женщина-трактористка в алтайском колхозе -- этот солдат не мог не выйти победителем в борьбе, потому что сражался, по образному определению Василя Быкова, с волчьей стаей... "Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали, увидели, что они отстаивают свою, советскую власть -- власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда," -- мудрость этих ленинских слов подтверждена всем ходом Великой Отечественной войны.

Победа не стареет, она только делается могущественнее и притягательнее. Самые молодые фронтовики отмечают свое пятидесятилетие, а те, кто постарше, выходят на пенсию, нянчат внучат. Миру и счастью -- тридцать лет!"

В кабинете Макаёнка накрыли праздничный стол. Первые тосты были похожи на передовую статью. Когда выпили еще, тогда начали говорить то, что в передовицу войти не могло, ибо редактор не дал бы, а я, заранее зная, не написал бы. Фронтовики тридцать лет маялись без квартир, в то время как миллионы кубометров железобетона тратились на пышные мемориалы. Страны Западной Европы ради примирения отменили у себя "День Победы", а

в СССР он приобрел черты воинственной истерии. Кумачовые лозунги твердили, что ничто не забыто и никто не забыт, а в лесах дожди вымывали кости не захороненных солдат. Народ-победитель покорно стоял в очередях за продуктами, взбодряясь, когда партия призывала заклеить "искажителя войны" Василя Быкова.

Победа корчилась от не залеченных ран, а ей говорили: потерпи, надо крепить обороноспособность, сделаем еще одну атомную бомбу, построим еще одну подводную лодку, запустим еще один спутник, перегоним капиталистов в космосе, и тогда оденем и накормим тебя, Победа. Она терпела, была верна традициям самоотверженности. А мы верили, что Победа двужильна и что вечно будет с нами.

В 1975 году на всесоюзной трибуне тридцатилетнюю Победу торжественно изнасиловал генеральный дед, потребовал от нее новых услуг в завершении строительства развитого социализма. Он насиловал, народ аплодировал.

9 МАЯ 1985 ГОДА МЫ С ЖЕНОЙ СТОЯЛИ В ТОЛПЕ, ВЫТЯНУВШЕЙСЯ ПО ТРОТУАРАМ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ПРОСПЕКТА ЛЕНИНА В МИНСКЕ. ПО ПРОЕЗЖЕЙ ЧАСТИ ШЛИ БАБУШКИ И ДЕДУШКИ, ОБЛЕПЛЕННЫЕ ОРДЕНАМИ И МЕДАЛЯМИ. ПОД НОГИ ИМ ИЗ ТОЛПЫ БРОСАЛИ ЦВЕТЫ. СТАРИКИ ШЛИ МЕДЛЕННО, НЕКОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЛИ ДРУГ ДРУГА. МАРШ ВЕТЕРАНОВ, ВВЕДЕННЫЙ В МОДУ ЕЩЕ ПЕТРОМ МАШЕРОВЫМ. ГОСУДАРСТВО ДЕМОНИСТРИРОВАЛО ОСТАТКИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ. СЛЫШАЛОСЬ ТЯЖЕЛОЕ СТАРЧЕСКОЕ ДЫХАНИЕ. СЛЫШАЛСЯ ШОРОХ ПОДОШВ ОБ АСФАЛЬТ. ДЕТИ КРИЧАЛИ "УРА!", ПРИЗЫВНЫЙ ГЛАС БЫЛ НЕВПОПАД ЗРЕЛИЩУ. НЕРАЗУМНЫЕ ДЕТИ НЕ ЗНАЛИ, ЧТО ПО ПРОСПЕКТУ ЛЕНИНА ДВИЖЕТСЯ ТРАУРНАЯ ПРОЦЕССИЯ. ХОРОНИЛИ ПОБЕДУ.

Победа уже давно умерла, но мало кто знал дату смерти. Она уходила долго, но никто не стоял у ее изголовья. Смерть Победы констатировал Михаил Горбачев в апреле 1985 года на пленуме ЦК КПСС, где объявил Перестройку. Не забывайте, с каким восторгом мы отозвались на "апрельский ветер перемен"! Мы задыхались в орденоносном маразме, в "боевых традициях", в "эстафете поколений", в голодных "городах-героях", на "малой земле".

Кроме Победы в бою, нам хотелось Победы в жизни. Военная Победа тянула нас в прошлое, Перестройка позвала в будущее. Победа бессовестно эксплуатировала ветеранов, Перестройка переложила ответственность за страну на новые поколения. Я глядел на марш одуванчиков, старался вызвать в себе праздничный настрой -- не получалось. Жалко побежденных победителей. Колонна их так коротка. Хотелось крикнуть: "Не уходите вслед за Победой!"

И минули еще десять лет.

Трое стариков-фронтовиков, доведенных до отчаяния, захватили самолет. Вежливо выпустили пассажиров, экипаж, заняли места в кабине (в войну были летчиками), вырулили на полосу, набрали высоту и -- навсегда исчезли с

экранов радаров. Нет, они не разбились. Они не приземлились ни в одном аэропорту. Куда улетели ветераны из российского фильма "Сочинение ко дню Победы", осталось неизвестно. Мне кажется, они улетели туда, где лучше.

Белорусские ветераны, которые не улетели в наилучший из миров, продолжают земной путь под водительством президента Александра Лукашенко. Он по примеру Машерова проводит победные марши. Выстраивает нищих стариков-орденоносцев в шаркающую колонну, ведет от избирательной урны очередного референдума к картонной коробке, присланной преуспевающими побежденными. У коробки сторожит директор госдепартамента по гуманитарной помощи Виктор Кучинский с гранатометом за спиной, выдает каждому ветерану по красивой конфетке. Вот что напомнило мне мое послевоенное детство!

Ветераны, сохранившие собственную гордость, от конфетки отказались. Их кучка. Задумали положить венок у вечного огня. Во главе встал Василь Быков, они пошли под бело-красно-белым флагом, под которым белорусы шли много веков. На площади Победы им преградили путь ветераны под красно-зеленым флагом, который нарисовали соавторы Сталин и Лукашенко. Завязалась потасовка. Победа осталась с теми, кто любит конфетку. Их значительно больше, с ними президент. Но с ними не победа, а навязчивая идеология. Настоящей Победы, напомню, нет.

Ветераны, победившие в потасовке на площади Победы, надеются, кроме конфеты, получить добавку, через газету "Народная воля" шлют президенту открытые письма:

"Уважаемый Александр Григорьевич! Вы говорили, что самое важное для Вас -- это забота о человеке. И мы дружно отдали за Вас свои голоса... Мы сомневаемся, известно ли Вам, что изувеченный в авиакатастрофе военный летчик или оставшийся без ноги рядовой пограничник получает в Беларуси вместо пенсии по инвалидности так называемую "надбавку" к зарплате, если он где-то подрабатывает, или "надбавку" к пенсии за выслугу лет в армии такую мизерную, что ее хватает только на 3-3,5 кг подсоленной кильки. Инвалид Великой Отечественной войны второй группы, разведчик, дослужившийся до командира разведроты, четырежды раненый, получает пенсию в размере ... 17 у.е. в месяц. Не принято посылать им поздравительные открытки в День защитника Отечества. Никто не вспоминает о них в праздничные дни юбилеев Победы..."

Победа не может быть вечной. Любая победа, даже самая великая, превращается в историю. Живые чувства, когда-то распиравшие людей, вмещаются в календарную строчку: 9 мая -- День Победы. У человека, живущего прошлыми победами, не в порядке психика. Государство, реанимирующее давнюю Победу за неимением новых, не имеет будущего.

Победа непременно умирает. Это естественно. Неестественно то, что Победа-1945 умерла слишком рано, намного раньше своих родителей. Ветераны войны -- это сироты мира.

И еще десять лет ушли в прошлое. Настал 2005 год -- и началась официальная свистопляска по случаю 60-летия великой победы. Президент провел учения, где призванные из запаса военнообязанные постреляли из реанимированных танков, простоявших два десятка лет в гаражах, и показали НАТО, что белорусы свой порох держат сухим.

Живым ветеранам войны президент назначил единовременное денежное пособие, постыдно жалкое. Моему дяде Коле, фронтовику, утром 18 апреля деньги принесла женщина из райсобеса. Она опоздала на пару часов. На рассвете того же дня дядя Коля тихо скончался, не дожив два месяца до своего 80-летия и три недели -- до 60-летия Победы. Райсобесовская женщина развернулась и ушла от еще теплого солдата Победы, не оставив деньги на его похороны. Государство обмануло солдата в последний раз.

Некоторым старикам повезло больше, чем дяде Коле, им бесплатно сделали косметический ремонт жилья. Комсомольцы из БРСМ прибрали солдатские могилы. Воины-афганцы восстановили под Минском оборонительную «линию Сталина», якобы задержавшую врага в 1941-м. Гостелевидение умылось слезами любви и благодарности к воинам, спасшим отечество от фашизма. В Минске состоялся громкий военный парад, вечером был дан праздничный фейерверк.

Я понимал, что все юбилейные мероприятия необходимы, но душа моя не участвовала в празднике. Невозможно было освободиться от ощущения, что присутствуешь на затянувшихся до неприличия, неискренних похоронах. Похоронах Победы. В таком расположении духа пребывал в те дни не один только я.

За месяц до 60-летия Победы, в апреле 2005 года, молодой журналист, студент третьего курса, мой сын написал репортаж «60 лет в бараке». Он передает общественное настроение правдивее, чем парад и фейерверк. Грустный репортаж Николая Козловича -- объективный документ белорусской истории:

«Дом № 84 на столичной улице Волгоградской снаружи кажется мертвым. Сквозные трещины на стенах и сгнившие деревянные балки, которые, быть может, сломаются даже от легкого ветерка, говорят мне об этом. Дом № 84 на улице Волгоградской -- ровесник Победы в Великой Отечественной войне.

Во втором подъезде этого дома живет бабушка Татьяна Даниловна Носова. Придя из магазина, она поднимается по хлипкой лестнице на свой второй этаж, ложится на диван, накрывает потеплее раненую ногу, в которой уже 60 лет сидит маленький железный осколок, и думает, думает: «Прошла войну, была ранена, осталась жива, а погибать придется под завалами...»

Письмо с такими строками, полное отчаяния, пришло недавно в редакцию газеты «Минский курьер».

В доме, в котором живет Татьяна Даниловна, жильцов немного.

--Подо мной уже три года квартира пустует, никто не заселяется. Многие разъехались. А я все живу. Наш дом построили немецкие военнопленные сразу после Победы.

Татьяна Даниловна показывает мне свое обиталище. Треснули обои, поклеенные лишь в прошлом году, — стены разрушаются, деформируются. Не открываются сгнившие окна. Дернешь за раму — отвалится. Шаткий балкон, в полу — дыры, поэтому на пол Татьяна Даниловна положила большой ковер. На чердаке деревянные балки от старости струхнели, поэтому потолок потихоньку оседает. Когда за окном сильный ветер, дом-барак трещит, будто сделан из фанеры. Удобств никаких, кроме парового отопления и холодной воды.

Татьяна Даниловна, ветеран, инвалид войны второй группы, живет в бараке всю свою жизнь.

— Вот мой кителек. Видите, сколько у меня орденов! А что толку? Может, вам показать документы? Я родилась в Минске. Мне 74 года. В 43 году, когда Мазаник подорвала Кубе, мы ушли в партизаны. Остаться было невозможно: мой отец был связан с партизанами. Он был партизаном-подрывником, ходил на подрыв немецких эшелонов. Объяснял Мазаник, как правильно положить взрывчатку, чтобы сразу не взорвалась. В партизаны пошли всей семьей — отец, мать, пятеро детей, два брата отца с семьями и две сестры с семьями. Целый партизанский отряд получился. Отправились в Смолевичский район, в деревню Пятигодку. Мне было пятнадцать лет. Меня посылали с заданиями в немецкие гарнизоны. Часто ходила в деревню Петровичи. Помню, начальником полиции там был Опанский. Хорошо знал моего отца, говорил: «Ох, попадетесь вы, попадетесь!» Когда немцы ловили наших партизан, издевались над ними страшно: вырезали языки, выкалывали глаза, отрезали уши. Меня посылали в гарнизон разузнать, куда едут немцы. Я узнаю — партизаны сделают засаду. Шла обычно с корзинкой, будто бы за картошкой. На мне рваная телогрейка, лапки, веревочками подвязанные. Холодно, кончено, в лаптиках, но терпишь. Прихожу в Петровичи, там меня встречает связной, Василий Филиппович Зеленкевич. В корзинку он клал мне патроны, гранаты маленькие, лимонки, бинты, лекарство для раненых партизан, спички, соль. Сверху засыпал картошкой. И я шла назад, в отряд. Иду. Останавливает немецкий постовой: «Куда, киндер?» -- «Пан, картошку несу. Может, дашь бом-бом?» Это такие кругленькие конфетки, похожие на стекляшки. Немец одну даст, я кланяюсь: «Данкешон». Так я ходила, пока не предали свои же, соседи. К нашему связному явились полицейские, стали ждать, когда приду я. Зеленкевич моргнув своему соседу, старичку, чтобы тот предупредил меня. А я уже на подходе к деревне. Тот дед подбегает и говорит: «Быстренько чухай отсюда, тебя ждут». Я — бегом, а один полицейский заметил в бинокль — давай по мне стрелять. Там болото. Я ползу, они стреляют — все мимо, мимо. Потом запустили пулей разрывной, она разорвалась и оторвала мне палец на руке, ожгла ногу. Нога была вся черная. Хорошо, что тот старичок меня довез до нашего партизанского отряда — тогда он назывался 43-й отряд имени Кутузова бригады «За советскую Белоруссию». В отряде был хороший хирург, меня подлечил. Опять начала ходить на задания — уже в Смолевичи. После освобождения отец пошел на Берлин, мы с матерью вернулись в Минск, а жить-то негде. Заселили нас сюда, в этот барак на Волгоградской. Так и живу здесь 60 лет...

Так, на всю жизнь, у Татьяны Даниловны остался в ноге маленький осколок, с горошину. Нога у бабушки болит, ходит она с клюкой, трудно так ходить всю жизнь. Ногу необходимо парить, греть, нужна хорошая ванная.

Ванная в квартире у Носовой -- это издевательство над человеком. Установлена она в маленькой комнатухе-подсобке так, что протиснуться мимо почти невозможно.

--Чиновники говорят: когда дом снесут, тогда дадим вам квартиру. Тут одни наркоманы и алкоголики остались. Я их боюсь. Когда иду на какой праздник, одеваю на китель плащ, чтобы они не видели медалей. Боюсь, что отберут. С 1984 года мы стоим на очереди на новое жилье. Очередь потерялась. Мне бы одну только комнатку! Предлагают подменки -- в «хрущевках», в старых домах. А мне хотя бы перед смертью хочется пожить с удобствами, с теплой водой...

Люди, которые проходят мимо дома на Волгоградской, удивляются: что это за реликт давно минувших дней стоит в центре Минска? Черные стены, облупленные, неживые.

--Как вы думаете, -- спрашивает меня Татьяна Даниловна Носова, -- может, мне написать в немецкое посольство? Чтобы они разыскали тех людей, что строили мой дом 60 лет назад? Может, немцы приедут и помогут, раз наши не хотят?»

Мое поколение, первое послевоенное поколение, завершает трудовой путь, выходя на пенсию. Не наша вина, что поколение второй половины сороковых годов двадцатого века не принесло стране Великой Мирной Победы. Неужели каждому поколению необходимо пройти войну, чтобы сполна проявить себя?

Мы завершаем жизненный путь с тоской на душе. Нашу тоску не могут не чувствовать наши дети, накладывая ее на собственную тоску о том же. Их душевная ноша будет еще тяжелее.

Когда наши отцы и деды встали поперек гитлеровского плана "Ост", предусматривающего уничтожение 75 процентов белорусов, они были герои. Когда в Берлине крушили фашизм, они были победители. Когда насаждали в Европе коммунизм, они превратились в варваров. Когда вернулись в советский дом, стали рабами.

Победу 1945-го не воскресить. Причинно-следственной связи Победы с будущим Беларуси не существует. Прервалась. Будущее зависит от того, как белорусы сами обеспечат его сегодня.

Помянем, наследники, Победу.

2000 – 2005